

Глава 84. Произведение [Конец]. Преступление

Цзян Чи ждал этого дня очень долго. Бесчисленное множество раз он представлял в темноте, как это будет выглядеть.

По его замыслу, на седьмой день он покинул бы этот остров вместе с основной группой. Это громкое дело, в котором было замешано множество звёзд шоу-бизнеса, станет главной сенсацией страны.

Как выживший и человек, тесно связанный с событиями, он дал бы бесчисленное множество интервью, и все узнали бы его имя.

А вскоре, может, не сразу, но в конечном итоге правда выйдет наружу, и он окажется тем самым убийцей. И тогда все софиты будут направлены исключительно на него.

Его прошлое, его биография, вплоть до детского сада, — всё это СМИ раскопали бы и раздули бы до невиданных масштабов. Журналисты стали бы дежурить у стен тюрьмы, словно стая гиен, не смыкая глаз ночи напролёт, лишь бы взять у него интервью.

А он не сказал бы ни слова.

А после его смерти начали бы снимать сериалы и фильмы о нём, стали бы снова и снова пересматривать, и смаковать его жизнь, словно бесценную реликвию, пытаясь угадать, каким же человеком он был на самом деле. Но ответа они так и не узнали бы, и он навсегда остался бы для них неразгаданной тайной.

Его произведения были бы найдены и изучены. Те самые романы, те самые никому не нужные рукописи, в одночасье стали бы объектом вождения для издателей! Вполне возможно, что даже сформировалось бы целое научное сообщество по изучению его творчества...

Время быстротечно, но классика вечна.

Цзян Чи считал, что оно того стоило.

Правда, сейчас возникла небольшая загвоздка: появились два «детектива».

Догадались ли они, что убийца именно он?

Цзян Чи не был уверен. Ассистент должен быть очень проницательным, постоянно наблюдать за окружающими, считывать их эмоции — это базовый навык. И хотя Цзян Чи ненавидел подстраиваться под чужое настроение, ему приходилось этому научиться. Но теперь в этом не будет нужды. Теперь другие будут ломать голову и изучать его.

Когда Синь Синь громко кричал, что убийца — Фан Божэнь, но при этом не сводил глаз с Цзян Чи, тот сразу понял, что этот человек взял ключ и открыл дверь.

Признавать или отрицать — для Цзян Чи это даже не стояло на повестке дня. Он воспринял это как предварительную репетицию интервью.

И Цзян Чи спокойно признал свою вину.

В помещении мгновенно повисла тишина.

От этой тишины Цзян Чи пробрала дрожь, каждая клетка его тела кричала: они затихли ради него, все ждут, чтобы услышать его голос! Его! Только его!

Жуткая тишина длилась очень долго.

Синь Синь и Ю Ю и не ожидали, что Цзян Чи так просто всё выложит. Они думали, придётся попотеть, ведь в фильмах и сериалах злодеи, которые сами во всём признаются, встречаются на каждом шагу, а вот в реальности куда чаще попадаются преступники, которые до последнего будут врать и отпираться.

А Цзян Чи, похоже, только этого и ждал.

Как и предполагал Синь Синь, он жаждал быть увиденным, быть в центре внимания, быть на виду у публики.

Сейчас все четверо смотрели только на него. Это чувство... Только в этот миг Цзян Чи почувствовал, что, по-настоящему жив.

Первой подала голос Чу Си.

Она сказала:

— А?

Если новость о том, что убийца Фан Божэнь, вызвала у неё возбуждение, то признание Цзян Чи показалось ей полным абсурдом. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами,

совершенно не понимая, что происходит.

В её памяти Цзян Чи остался всего лишь безликим исполнителем, человеком без характера, размытым силуэтом, который, казалось, лишь постоянно наблюдал за окружающими.

Несколько раз Чу Си замечала, что он украдкой смотрит на неё.

Но это был не взгляд мужчины на женщину. Он был подобен зеркалу, он не просто наблюдал, он отражал её.

Поэтому, когда ей сдавили горло и вырвали из сна, и она в темноте увидела эти призрачные глаза, она даже не сразу поняла, что это Цзян Чи.

Чу Си обеими руками прикрыла шею.

Цзян Чи тогда не стал душить её со всей силы, и следы на шее почти полностью сошли, но именно сейчас она снова почувствовала боль. Удушающую боль. Прикрывая шею руками, Чу Си в панике, пошатываясь, попятилась назад.

Цзян Чи не был удивлён реакцией Чу Си. Скорее, его удивило, что раньше, увидев его, она почти не испугалась. Главное, чтобы он не пожалел, что пощадил её. Она должна его бояться. Вот так, как сейчас.

Шэнь Цинцюань ошарашенно смотрела на Цзян Чи.

В глубине души у неё теплилась смутная догадка. Только что убийцей называли Фан Божэня, и она совсем запуталась. А теперь Цзян Чи сам признался, что это он убивал. Точно, это он...

Цзян Чи встретился с ней взглядом, не испытывая ни капли страха.

Шэнь Цинцюань должна быть ему благодарна. Ей не пришлось и пальцем пошевелить, чтобы получить «Произведение». Хотя, по мнению Цзян Чи, оно по-настоящему ей и не принадлежало, да и до его собственных творений ей было далеко. Цзян Чи был не из тех, кто забывает добро. Шэнь Цинцюань в каком-то смысле была его покровительницей, просто немного эгоистичной. Но все люди эгоистичны, поэтому он ей это простил.

Спокойствие Цзян Чи было в целом ожидаемым для Синь Синя. Он давно понял, что психика убийцы не такая, как у обычных людей, но всё равно был потрясён тем, как Цзян Чи вёл себя, словно вообще ничего не произошло.

Даже на этом этапе его психологическая защита оставалась абсолютно непоколебимой.

Ю Ю встал и заслонил собой Синь Синя.

Заметив это, Цзян Чи слегка поморщил нос. На его лице мелькнуло отвращение. Он не станет убивать двух случайных прохожих и портить ими своё произведение.

— Ты признаёшь, что это ты убил тех людей?

Голос Ю Ю звучал тяжело и мрачно. Ему больше не нужно было играть, и он открыто продемонстрировал своё отвращение к Цзян Чи.

Отвращение Ю Ю его ничуть не задело. Убийство в глазах обывателей — зло, а убийца, соответственно, злодей. У общества есть свои правила, и серая масса им следует. Он же просто вознёсся над этими правилами.

— Совершенно верно. — сказал Цзян Чи. — Их всех убил я.

— Тан Кэ, Е Сюаньфэн, У Хуай, Ван Тао, Фан Божэнь.

Цзян Чи перечислил их по именам:

— Всех их убил я.

Тишина. Ещё более долгая, чем до этого. Синь Синю казалось, что время и вовсе остановилось. Он и раньше знал, что перед ним убийца, и в прошлом мире задания ему тоже доводилось стоять лицом к лицу с убийцей — Цао Чжэнь. Но эта абсолютная безмятежность, отсутствие хоть капли стыда или раскаяния на лице по-настоящему его пугали.

Может быть, потому что Цао Чжэнь хотя бы как-то реагировала на свою сестру, а человек перед ним был подобен пустой оболочке.

— Почему?

Синь Синь не мог сдержаться. Он даже забыл, что находится в игровом мире, и невольно выпалил:

— Зачем ты их убил?

Цзян Чи, как и планировал, лишь мимолётно и равнодушно скользнул по ним взглядом и промолчал. Это загадка, а он — её автор, и разгадывать её за них он не собирался.

Ю Ю окончательно потерял терпение. Особенно его взбесила эта нарочитая высокомерная

поза.

Кто он такой, в конце-то концов?

Когда его воротник рывком вздёрнули вверх, Цзян Чи остался невозмутим. Кулак Ю Ю врезался ему в лицо, голова мотнулась в сторону, и изо рта тут же хлынула кровь, закапав с уголка губ. Цзян Чи усмехнулся, повернул голову обратно — в его глазах по-прежнему читалась надменность:

— Бьёшь меня?

— Именно тебя и бью.

Ю Ю, не колеблясь ни секунды, снова замахнулся и ударил.

Цзян Чи выглядел как типичный интеллигент, но он был вовсе не так слаб, как казалось на первый взгляд, и он тут же дал сдачи.

Ю Ю несколько дней нормально не спал, к тому же был ранен в живот. Совсем другое дело Цзян Чи: кроме ночных вылазок для убийств, выполнив свои обязанности, он нормально ел, пил и спал, берёг силы и не позволял себе выглядеть измождённым — ему не хотелось предстать перед журналистами в жалком виде.

Цзян Чи резко вскинул колено и со всей силы ударил Ю Ю в живот. Рана разошлась, Ю Ю глухо крикнул. Цзян Чи мгновенно опустил и снова вскинул колено, нанося ещё два быстрых удара. Тёплая кровь брызнула на его брюки. Как убивать максимально эффективно, он изучал очень тщательно.

Однако, когда он в третий раз вскинул колено, сзади по шее скользнуло лёгкое, ледяное и до боли знакомое ощущение.

— Ты забыл, что оставил оружие в комнате?

Изо рта Ю Ю сочилась кровь. Лезвие ножа рассекло кожу на затылке Цзян Чи, предупреждая его, что это не шутки:

— О, великий господин убийца.

— Госпожа Чу! — крикнул Синь Синь.

Всё произошло слишком быстро. Синь Синь рванулся вперёд, со спины обхватил руками рану

Ю Ю, пытаясь остановить кровь:

— Быстро! Тащите что-нибудь, нужно остановить кровь!

Чу Си стояла как ошпаренная, но, услышав крик, вприпрыжку, шатаясь, побежала в ближайшую комнату и притащила оттуда простыню.

— Это подойдёт? — спросила она.

Ю Ю одной рукой держал Цзян Чи за воротник, а другой прижимал нож к его затылку. Его лицо было мертвенно-бледным, но он продолжал смотреть прямо в глаза Цзян Чи. Тот, наоборот, словно расслабился и смотрел на Ю Ю с полным безразличием.

Синь Синь схватил простыню и тут же обмотал её вокруг талии Ю Ю. Он с ужасом заметил, что его руки дрожат:

— Брат... держись...

— Ничего. — ответил Ю Ю.

Синь Синь уже не раз слышал это, и его сердце болезненно сжалось. Он поднял глаза, мельком взглянул на осунувшееся от потери крови лицо Ю Ю, а затем со всей яростью впился взглядом в Цзян Чи:

— Цзян Чи, ты что, думаешь, ты такой великий? Тебе кажется, что ты непризнанный гений, а на самом деле у тебя просто нет таланта! Я тебе вот что скажу: твои романы — полное дерьмо!

Синь Синь думал, что его слова ударят прямо в больное место Цзян Чи, но, к его удивлению, тот даже не дрогнул. На лице Цзян Чи лишь мелькнула презрительная усмешка.

И правда, как может пошатнуться вера человека, который убеждён в своей гениальности и считает, что все вокруг лишь строят ему козни? Как может его задеть чьё-то отрицание его таланта?

Подобные «удары» Цзян Чи, скорее всего, переживал бесчисленное множество раз и давно привык списывать подобные оценки на то, что «они просто не понимают».

Разве что кто-то сможет по-настоящему его раскусить, разобрать по косточкам, изнутри и снаружи, оголить до нитки и разрушить всё, чем он так гордится. Только тогда он будет по-настоящему повержен.

— Госпожа Шэнь, этот человек убил вашего мужа, а вам хоть бы что?! — громко крикнул Синь Синь.

Шэнь Цинцюань и впрямь не отреагировала. Её лицо застыло, словно покрытое льдом, она даже не удосужилась бросить взгляд в их сторону.

Синь Синя вдруг пробрал озноб. Он осознал, почему Цзян Чи не убил Шэнь Цинцюань, как это было в романе. Шэнь Цинцюань полностью перешла на его сторону.

Стоит лишь усомниться в том, что «Произведение» — оригинальный труд Фан Божэня, как тень ляжет на все его последующие работы. Его ореол рухнет и перейдёт к выжившей Шэнь Цинцюань. И даже если она станет отпираться, публика начнёт гадать, а не она ли на самом деле автор всех этих произведений?

Синь Синю было трудно вообразить, что кто-то может молчаливо потакать убийству собственного мужа ради такой выгоды.

Возможно, этот брак изначально не был нормальным. Вокруг ослепительно сияющего Фан Божэня всё остальное рушилось и погружалось во тьму.

Хотя они не успели обменяться информацией, Ю Ю уловил в словах Синь Синя ключевую фразу «твой роман». Он и так подозревал, а теперь в его голове окончательно сложилась часть мотива убийств.

— Ты очень доволен собой. — Ю Ю не отрывал взгляда от глаз Цзян Чи. — Тебе кажется, что никто из нас не способен тебя раскусить, но на деле твой план как на ладони.

— Ты написал роман, взяв за основу все эти убийства.

— Ты бредил тем, что этот роман прославит тебя на весь мир, что его экранизируют, как произведения Фан Божэня, и он станет фильмом или сериалом. Но, планируя всё это, ты столкнулся с проблемой: когда на острове начнутся съёмки, в деле будут замешаны актёры, главные герои. Это отличная «изюминка», но что, если в будущем эти двое сыграют в экранизации твоего романа?

Выражение лица Цзян Чи слегка изменилось.

— Актёрская игра Тан Кэ никуда не годится, а у Е Сюаньфэна слишком много скелетов в шкафу. Эти два актёра тебе не нравились.

Голос Ю Ю звучал легко, он словно передразнивал ту небрежную легкомысленность, с которой Цзян Чи принимал решения:

— Придётся убить и их тоже.

Рука Синь Синя, сжимавшая простыню, резко дрогнула. Он ошеломлённо посмотрел на Цзян Чи. Он всё время ломал голову, зачем же Цзян Чи убил Тан Кэ?

В «Одинокое море» Тан Кэ была описана как бездарная актриса, пробившаяся по блату, невоспитанная и непрофессиональная. Но на самом деле Тан Кэ не сильно была связана с главным героем, лишь эпизод, где она помыкала главным актёром.

Казалось бы, главный герой проникся сочувствием к ассистентке актрисы и поэтому убил главную героиню. Но в случае с Цзян Чи такое просто невозможно. Чтобы Цзян Чи проникся сочувствием к Юй Сы? Да ладно. Скорее всего, он просто выудил из Юй Сы нужную информацию и использовал её в своём плане.

Так что... неужели он убил их двоих просто потому, что боялся, что Тан Кэ и Е Сюаньфэн в будущем могут сняться в экранизации его произведения?!

Выражение лица Цзян Чи говорило о том, что они угадали.

Именно так он и думал.

Боялся, что эти двое неугодных актеров в будущем «запачкают» его произведение.

Какой нелепый мотив! Даже если эти двое умрут, в шоу-бизнесе ещё полно актёров, неужели он собирался перебить их всех? Более того, его «произведение» даже не вышло в свет, а он уже забил голову тем, что его когда-нибудь экранизируют, и из-за этого так переживал, что в итоге решил убить их двоих, чтобы успокоиться...

— Значит, и причина убийства Ван Тао была такой же. — Синь Синь уже мог «прочитать» мысли Цзян Чи. Ради своего произведения он должен был устранить все видимые угрозы. — Тебе казалось, что от Ван Тао так и разит медью и он ничего не смыслит в искусстве.

— Это факт. — равнодушно бросил Цзян Чи.

— Ему вообще было дело, что на съёмочной площадке происходят убийства? Режиссёр мертв... Тянь Мин был хорошим режиссёром, он умер за тебя, жаль. — Цзян Чи вставил эту фразу, а затем продолжил, — Ему было плевать на всё, он хотел лишь зарабатывать на кино деньги. Разве он стал бы нормально работать? В голове только кассовые сборы. Пока он у руля, всё снятое будет прогибаться под рынок, без глубины, без художественной ценности. Такие, как он, должны сдохнуть.

Если бы он не убил Ван Тао, тот в будущем наверняка стал бы наживаться на его романе. Одной мысли о том, что его произведение попадёт в руки такому, как Ван Тао, было

достаточно, чтобы у Цзян Чи сердце кровью обливалось. Его нужно было устранить. Обязательно устранить.

Конечно, он не мог на сто процентов гарантировать безопасность своего произведения, но должен был устранить известные ему заранее угрозы. Как родители, которые, видя препятствия на пути своего ребёнка, не могут удержаться, чтобы не убрать их.

Цзян Чи посмотрел на двоих перед ним с уважением и многозначительно произнёс:

— Не ожидал, что вы сможете меня понять.

Синь Синя чуть не вывернуло.

Кому хочется понимать такого, как ты, извращенец!

— Мне немного жаль. — Цзян Чи опустил голову, не обращая внимания на то, что от этого рана на затылке немного раскрылась, и пробормотал, — Надо было и вам двоим выделить по роли.

Синь Синь: «...»

Выходит, он убил всех, кому были предназначены роли?!

Ладно, Ван Тао, Тан Кэ и Е Сюаньфэн были убиты ради его произведения. Но зачем убивать Фан Божэня и остальных? Почему? Неужели исключительно ради завершения романа? Выбор этих жертв наверняка не случаен.

— Цзян Чи, — Синь Синь облизнул пересохшие губы, — у тебя ведь на самом деле нет никакой уверенности в собственном таланте.

Для тех, кто, по его мнению, его «понимает», Цзян Чи был готов уделить толику внимания. Его взгляд скользнул по Синь Синю.

— Если бы ты был уверен в себе, стал бы ты убивать людей, чтобы придать вес своему произведению?

— Если бы ты не убивал, твои романы кто-нибудь вообще читал бы? Выходит, у тебя и правда нет ни капли таланта к писательству. Тебе кажется, что Фан Божэнь предвзят к тебе, намеренно давит и держит при себе в качестве ассистента? А, по-моему, твои романы просто настолько отвратительны, что даже Фан Божэнь не смог бы тебе помочь.

Сюжет можно исказить, повседневное поведение — подделать, но есть кое-что, что, как ни

маскируйся, выдаст истину. И это — сам Цзян Чи, его собственные произведения.

Синь Синь не брался судить о своём литературном вкусе, но читать романы Цзян Чи было по-настоящему мучительно. Некоторые книги тоже читаются тяжело, например, произведения Фан Божэня, но он списывал это на то, что просто не дотягивает до уровня мастера.

Но романы Цзян Чи... как бы это сказать, от них так и разит жутким нарциссизмом. Главные герои в них — сплошь непризнанные гении, которых не понимает этот мир и которые вечно натыкаются на стены. Как ни менялись стиль и сюжет, этот тошнотворный душок самолюбования пробивался сквозь любые строки.

— В каждом из твоих романов свой стиль, свои приёмы повествования. Поначалу я думал, может, ты просто постоянно ищешь новые формы. Но потом до меня дошло: ты просто копируешь других. Жаль, что копируешь бездарно. Пытался нарисовать тигра, а получилась собака. Ты лишь выставил напоказ свой настоящий уровень.

Лицо Цзян Чи оставалось совершенно бесстрастным.

— Давай-ка я угадаю. История, должно быть, была такой.

Синь Синь начал представлять, как такой нарциссичный, жестокий и злобный человек мог попасть в этот мир.

— После выпуска ты носился со своими рукописями по всем издательствам в поисках работы. Но, увы, твой уровень был слишком низок. Ты смог сдать экзамены и поступить в престижный вуз, но для литературного творчества нужен дар, искра, бьющая из самых глубин человеческой души. А у тебя её нет. Ты с рождения монстр, и тебе не суждено было преуспеть на этом поприще.

— Тебе помогла Шэнь Цинцюань. Она помогла тебе устроиться в студию.

— Шэнь Цинцюань не чета тебе, у неё есть талант. Но ты так не считаешь. Тебе кажется, что велик лишь ты сам, а все остальные добились успеха исключительно благодаря удаче или связям.

Цзян Чи раз за разом твердил, что в этой индустрии без связей не выжить. Было ли это горькой иронией человека, познавшего суровую реальность, или лишь жалкой отговоркой, чтобы прикрыть свою неудачу?

Его провал — потому что у него нет связей. Чужой успех — потому что у других есть связи.

— Ты решил, что Шэнь Цинцюань закрепилась в студии только благодаря Фан Божэню. И тогда ты решил бросить свою наставницу и последовать её примеру, пытаясь пробиться наверх через

постель Фан Божэня!

Синь Синь говорил громко. Сказанное было адресовано не только Цзян Чи, но и Шэнь Цинцюань. Может, душа Цзян Чи и была абсолютно чёрной, но остальные люди на острове, включая жертв и даже невыносимого Е Сюаньфэна, оставались людьми. У них была душа, были чувства, хорошие они были или плохие.

Тот, кто лжёт в своём дневнике, станет ли говорить правду в реальности? А не подтолкнул ли вступить в брак Шэнь Цинцюань сам Цзян Чи своими наговорами и интригами?

— В своём дневнике ты писал, что господин Фан принудил тебя. Боюсь, это было не так.

— Господин Фан принудил его? — пробормотала Чу Си, которая до этого слушала, разинув рот. В её голосе звучало искреннее недоумение, словно она говорила: да как такое вообще возможно?!

Лицо Цзян Чи перекошило. Он впился взглядом в Синь Синя. В этих пустых глазах теперь отражался лишь один Синь Синь.

— Это ты умолял его, не гнушаясь даже предложить своё тело, надеясь, что Фан Божэнь поможет тебе. Но, увы, Фан Божэнь, хоть и был законченным подонком, но, когда речь шла о работе, у него были свои принципы. У тебя не было нужного уровня, и даже став его любовником, ты не добился бы его помощи.

Никакого «Фан Божэнь прятал его рукописи и не давал ему связываться с другими издательствами». Скорее всего, правда в том, что Цзян Чи пытался рассылать свои опусы, прикрываясь именем Фан Божэня, за что и был отчитан.

Услышав это, Чу Си невольно выпалила:

— Ты хотел убить меня из-за того, что господин Фан отдал проект «Молчание» мне?!

Синь Синь посмотрел на Чу Си. Та уже полностью влилась в атмосферу разгадки тайны. Она была слегка возбуждена, радуясь разгадке:

— В тот день, когда я пришла в студию господина Фана, ты ведь просил его отдать «Молчание» тебе? — Она перевела взгляд на Синь Синя. — Господин Фан отказал.

Она не смогла сдержать усмешку, в которой сквозила врожденная жестокость.

— Сказал, что тебе больше подходит заниматься бытовыми мелочами.

— Ха-ха-ха-ха!

— Это просто до смешного нелепо!

Чу Си смеялась, надрывая живот:

— Как бы ты ни заискивал и ни льстил господину Фану, он не хотел тебя продвигать. Ты ему просто не нравишься. Боже мой, Цзян Чи, как же ты жалок!

Синь Синь: «...» Девушка, ты, часом, не забыла, что он чуть не задушил тебя собственными руками.

Точно, почему Цзян Чи пощадил только Чу Си?

Он мог её убить.

Сначала Синь Синь думал, что Чу Си из тех, кто «выжил, потому что случайно проявил доброту к убийце». Но, похоже, эта девушка тоже не из робкого десятка.

Лицо Цзян Чи то бледнело, то зеленело, но он быстро взял себя в руки.

— Говорите, что хотите, — равнодушно бросил Цзян Чи. — Моё произведение уже стало успешным.

— Госпожа Чу.

Ю Ю уже давно наблюдал со стороны. Теперь он тоже, не отрывая взгляда от глаз Цзян Чи, вместе с Синь Сином проник в этот тёмный, зияющий пустотой мир.

— Он оставил тебя в живых, потому что считает себя таким же гением, как Фан Божэнь, и планирует использовать тебя для вычитки своего романа.

Улыбка на лице Чу Си мгновенно застыла. Смеяться ей вдруг расхотелось.

Цзян Чи с лёгкой, почти насмешливой усмешкой смотрел на того, кто прижимал лезвие к его затылку:

— Ты понимаешь меня куда лучше своего напарника.

— Думаешь, ты такой загадочный и непостижимый? — холодно бросил Ю Ю. — Ты слишком

много о себе возомнил.

— Ты всего лишь заурядный человек. Вся эта чушь про «великое произведение» — лишь жалкая отговорка, чтобы прикрыть свою зависть. Как такой, как ты, может создать хоть что-то стоящее?

— Ты завидуешь Фан Божэню, завидуешь У Хуаю и даже Шэнь Цинцюань.

— Госпожа Шэнь, вы правда думаете, что он желает вам добра? У вас есть талант. Но он подталкивает вас присвоить труд Фан Божэня. Готов поспорить, что если вы так поступите, вы окончательно себя погубите и больше никогда не напишете ничего своего.

Шэнь Цинцюань, застывшая словно статуя, наконец пошевелилась. Опираясь на спинку стула, она медленно подняла голову и посмотрела на своего младшего, у которого, по крайней мере, были добрые намерения. Её лицо слегка побледнело, и с запозданием её охватил глубокий, леденящий ужас.

На поверхности этого ледяного айсберга наконец-то появилась настоящая трещина.

— Цзян Чи, Фан Божэнь — бесспорный гений драматургии. Шэнь Цинцюань — твоя старшая сокурсница, но она превосходит тебя в тысячу раз. Даже У Хуай, пришедший в профессию с другой стези, на голову выше тебя. Чу Си, как и ты когда-то, окончила университет, но ты даже постучаться в двери студии не мог, а она взяла награду «Лучший новичок», и даже Фан Божэнь обратил на неё внимание. Цзян Чи, ты завидуешь им до безумия, не так ли?

Синь Синь никогда раньше не слышал, чтобы Ю Ю выдавал такие длинные монологи на одном дыхании. Слова лились так гладко, словно он вообще не задумывался, и это значило лишь одно, что он действительно доподлинно знал, что творится в голове у Цзян Чи.

— Е Сюаньфэн, Тан Кэ, Ван Тао... В съёмочной группе было столько людей. Почему ты выбрал именно их? Потому что они насмеялись над тобой и презирали тебя? Да нет, я думаю, они вообще никогда не обращали на тебя внимания. Давай подумаем: лауреат премий, «Лучший новичок», главный продюсер... Ах... — Ю Ю тихо вздохнул, и в его голосе прозвучала усмешка. — Почему у всех этих людей есть врождённый талант? Ты должен ненавидеть больше всех самого себя, Цзян Чи. Вокруг тебя столько гениев, почему же ты оказался таким заурядным? Даже преступление, которое ты совершил, оказалось убогим... — Ю Ю не отрывал взгляда от глаз Цзян Чи, готовых лопнуть от ярости, и произнёс по слогам, — Банальный злодей.

— Нет!

Цзян Чи начал яростно вырываться.

Не обращая внимания на то, что рана на затылке начала кровоточить сильнее, он схватил Ю Ю

за воротник. Его лицо исказилось гримасой:

— Ты врёшь!

Синь Синь не собирался давать ему шанс убить напарника. Он сорвал окровавленную простыню с талии Ю Ю и накинул её на лицо Цзян Чи:

— Помогайте!

Чу Си среагировала мгновенно и бросилась на помощь. Вслед за ней, пошатываясь, подоспела и Шэнь Цинцюань. Вчетвером, ухватившись каждый за свой угол, они натянули простыню, накрыв его, словно сетью.

Багровая простыня скрывала фигуру, продолжавшую бешено дёргаться и вырываться. Со стороны казалось, будто они и впрямь поймали монстра.

Синь Синь мельком глянул на часы. До момента сдачи задания оставалось пять минут. Он быстро прокрутил в голове всё дело.

Никаких нестыковок не осталось. Методы убийства, мотивы, причины и способы разрушения «Произведения» — всё стало кристально ясно. Жаль лишь, что в конечном счёте они так и не смогли спасти ни одного человека...

— Моё произведение... Я прославлюсь... Я буду в центре внимания... Ха-ха-ха... Я не проиграл... Вы не сможете очернить моё произведение...

Цзян Чи изо всех сил выгибал грудь, пытаясь вырваться из их хватки, и надрывно кричал. Синь Синь впервые слышал, чтобы Цзян Чи кричал так громко. Как и было написано в его романе, это был крик немого, от которого по спине пробежал леденящий душу холод.

— Правда?

Ю Ю поднял глаза и обратился к Чу Си и Шэнь Цинцюань:

— Неплохой материал для вдохновения. Вы вполне можете написать произведение, где он станет прототипом... — Ю Ю холодно усмехнулся. — Произведение о второсортном злодее.

Не успели эти слова слететь с его губ, как простыня в их руках мгновенно исчезла. И снова нахлынуло знакомое чувство, когда задание прошлого мира было завершено.

Весь мир вокруг застыл. Остались только они вдвоем. Синь Синь поспешил поддержать Ю Ю:

— Почему тебе обязательно нужно раниться каждый раз? — в его голосе сквозили и лёгкая жалоба, и искреннее беспокойство.

— Кхм.

Синь Синь поднял глаза и увидел Тянь Мина.

Странно, но Тянь Мин производил на него совершенно иное впечатление, нежели босс Цинь. Казалось, перед ним был всё тот же Тянь Мин: суровый, холодный, дьявольский режиссёр, готовый в любую секунду разнести кого-нибудь в пух и прах.

— Благодарю вас за то, что вы выяснили правду о том, как было разрушено «Произведение».

Даже тон голоса был точь-в-точь таким же. Хотя он и говорил «благодарю», звучало это почти как ругань.

— К счастью, — Тянь Мин сохранял каменное выражение лица, — команда снова в сборе, и съёмки можно продолжать.

Синь Синь: «...» Неужели они и правда будут снимать кино в загробном мире?

— Режиссёр Тянь. — В прошлом мире у него не было времени спросить, и теперь Синь Синь поспешил засыпать его вопросами, — Что это за место? Почему мы сюда попали? И что вообще значит та награда, которую я получил в прошлом задании?!

Тянь Мин скосил на него взгляд:

— Столько вопросов. Я что, твой напарник?

Синь Синь: «...»

Чёрт возьми, неужели Ван Тао уже связался с Тянь Мином и проболтался о том, что он везде ищет себе напарников?

— Ваша награда.

Тянь Мин не стал отвечать на их вопросы. Он лишь небрежно махнул рукой и шагнул прямо в декорации, возникшие неведь откуда и неведь когда.

В этом смутном мелькании Синь Синю даже почудилось, что он видит двоих — мужчину и женщину в красном платье и белой рубашке, — которые репетировали сцену внутри. И тут его

накрыла волна сильнейшего головокружения...

Синь Синь инстинктивно повернул голову к Ю Ю. Ю Ю смотрел на него в ответ, крепко схватившись за руки.

— Брат...

Он хотел сказать это вслух.

Увидимся ли мы еще раз?

Сможешь ли ты наконец назвать мне свое настоящее имя?

Нас ведь теперь... можно считать друзьями?

Но так и не произнёс ни звука. Сознание рухнуло во тьму, и что-то мягкое подхватило его.

Это была награда от Тянь Мина.

Ярко-алая младенческая пелёнка.

*

«Динь!»

Синь Синь резко откинулся назад.

В ту же секунду он ощутил прикосновение к коже чего-то холодного и влажного.

— Ты в порядке?

«...»

Его руку накрыли бумажной салфеткой. Синь Синь пришел в себя и увидел склоненную голову напротив. Она была до боли знакомой — он видел этого человека уже не раз. Тот поднял взгляд:

— У тебя штаны испачкались. Может, сходишь в уборную, приведёшь себя в порядок?

Синь Синь растерянно опустил взгляд.

Ах, да. Его брюки были залиты апельсиновым соком.

Как и брюки Цзян Вэя.

Он перевёл взгляд на круглый столик рядом. Стакан с соком Цзян Вэя стоял там же, и половина его содержимого тоже оказалась разлитой по поверхности.

<http://bllate.org/book/12899/2151901>